УДК [94:321.61](47)

Grebenkin A.N.,
Candidate of Historical Sciences,
Orel State University
(Russian Federation, Orel)

Гребенкин А.Н.,
Орловский государственный
университет, кандидат исторических
наук, (Российская Федерация, г. Орел)

Генезис и развитие традиции самодержавия в России

GENESIS AND DEVELOPMENT OF AUTOCRACY IN RUSSIA

The article gives a historical analysis of emergence and development of autocracy traditions in Russia, main factors of its evolution are revealed. It is concluded that the tradition of autocracy continues to develop nowadays, affecting the nature of Russian statehood.

Keywords: tradition, autocracy, Russia.

В статье дан исторический анализ возникновения и развития традиции самодержавия в России, выявлены основные факторы ее эволюции. Сделан вывод о том, что традиция самодержавия продолжает развиваться и в настоящее время, оказывая влияние на характер российской государственности.

Ключевые слова: традиция, самодержавие, Россия.

Первое десятилетие XXI века для нашего государства стало временем поиска новой модели развития государственности. Осознавая единство своей исторической судьбы с цивилизованным миром Запада, мы тем не менее не можем отречься от куда более непредсказуемого Востока, с которым нас также роднит многое — и в географическом, и в историческом, и в социокультурном плане. Давний вопрос о том, к какой из двух макромоделей — западной или восточной — принадлежит Россия, является философским, однозначное его разрешение вряд ли возможно. Пытаясь найти азиатские черты в лике России, в первую очередь обращают внимание на традицию самодержавия или, если угодно, сильной единоличной власти, которая препятствует нам считаться полноценной частью Европы. Многочисленные попытки строительства правового государства и создания гражданского общества далеко не в последнюю очередь оканчиваются неудачей по причине того, что эта традиция жива и сдавать свои позиции, по-видимому, не собирается.

Вопрос о том, когда в России зародилась традиция самодержавия и какие стадии она прошла в своем развитии, неизменно является предметом дискуссий. Необходимо принимать во внимание, что самодержавие в нашей стране существовало в разных формах — от умеренного авторитаризма до крайней степени азиатского деспотизма — и что логика смены одной формы другой была обусловлена не столько объективными, сколько субъективными, конкретно-историческими факторами. Кроме того, большие сложности вызывает то обстоятельство, что до наших дней дошла лишь малая часть источников по истории Руси IX-XVI вв.; фрагментарность источниковой базы не позволяет нам видеть общей картины развития института самодержавия и вынуждает прибегать к сложной реконструкции, результаты которой заведомо отличаются от реально происходивших процессов.

Догосударственный период развития восточнославянских земель, которому соответствовала стадия вождества (военной демократии) не нес в себе никаких предпосылок для развития самодержавия.

Складывавшаяся в течение IX века древнерусская государственность по своей модели была схожа с варварскими королевствами Западной Европы и, несмотря на сильное тяготение к Византии, от которой получила своего рода «культурную прививку», оказалась не в состоянии скопировать политическую традицию империи ромеев. Великий князь в Древней Руси так и остался первым среди равных. Его власть не была неограниченной, ибо на политической сцене в качестве самостоятельных действующих лиц выступали вече, боярство, местные князья, с которыми хозяин киевского престола был вынужден считаться. Отсутствие государственного механизма как такового, отсутствие регулярной армии не позволяли великому князю действовать без оглядки на кого-либо.

Обстоятельства изменились после установления монгольского ига. Очевидно, именно монгольский фактор стал первым звеном в цепи событий и феноменов, приведшей русские земли к самодержавию. Традиционный восточный деспотизм, существовавший у новых хозяев земель, некогда входивших в состав Киевской Руси, был успешно транслирован монголами в ходе налаживания вассальной зависимости Руси от Золотой Орды. Русские князья, вынужденные ездить за ярлыком «в Орду», оказались в весь-

ма специфической ситуации. С одной стороны, они познали новую модель отношений между властвующими и подвластными — модель, в которой абсолютному могуществу одного человека противопоставлялось полное бесправие всех остальных. С другой стороны, та власть, которую давал князьям ханский ярлык, подкреплялась реальной возможностью проводить в жизнь принимаемые решения с помощью военной силы, предоставляемой монголами — так называемой рати.

Исподволь формировалась новая традиция взаимоотношений властвующих и подвластных, соответствующая восточному, деспотическому типу государственности. Русские князья, вынужденные ездить в Орду за ярлыком и унижаться перед ханами, чувствовавшие свою зависимость от прихотей и капризов ханов и ханш, многократно наблюдавшие восточные политические церемониалы, уже не могли относиться к своему положению так, как прежде. Во-первых, закономерно рождалось желание психологически компенсировать то чувство неполноценности, которое всегда испытывали князья в Орде — даже тогда, когда им оказывался внешне радушный прием. Монголы ставили себя неизмеримо выше русских князей — и на еще большую высоту поставили себя князья по отношению к своему народу. «Восток знал и знает только, что один свободен»[1], — эта мысль, высказанная Гегелем, была реализована на землях бывшей Киевской Руси в XIII-XIV вв. Во-вторых, князья понимали, что своим положением политического правителя они обязаны наличию у них ярлыка, получение которого зависело не от отношения к ним народа, а от расположения ханов. Следовательно, не было нужды прислушиваться к народному мнению, поддерживать вечевые традиции, оглядываться при принятии решений на кого-либо, кроме ханов. Наконец, монгольское иго привело к изоляции русских земель от Европы, где как раз в это время появляются первые парламенты и начинается новый этап развития монархии — сословно-представительный. Русь надолго забыла о Европе, Европа потеряла из виду русские земли, которые с этого времени перестают быть ее частью и, вновь открытые через два века, получают название «Татарии».

Монгольское иго, таким образом, изуродовало характер политической власти на Руси до неузнаваемости. Русь перестала быть Европой, власть князей стала развиваться в соответствии с парадигмой восточного деспотизма.

В 1480 г. действие монгольского фактора прекратилось. Однако возврата России — к тому времени уже единой, окрепшей — в лоно Европы так и не произошло. Виной этому стала Византия.

Россия, которую в течение почти двух с половиной веков терзали захватчики, после обретения независимости должна была политически реабилитироваться — хотя бы в собственных глазах. Так получилось, что как раз в это время князю-объединителю — Ивану III — представилась возможность вступить в новый брак с племянницей последнего византийского императора. Брачный союз с Софьей Палеолог дал великому князю полное право считаться наследником власти не только византийских, но и римских правителей. «Монгольский» этап формирования самодержавия сменился «византийским». Самовозвеличивание за счет искусственного «удревнения» собственной истории, свойственное примитивной или неустойчивой цивилизации, достигло апо-

гея в начале XVI в., когда была создана теория «Москва — Третий Рим». Филофей открыто объявлял власть великого князя подобной власти римского императора и византийского василевса. Блеск двухтысячелетней истории затмил факт того, что и первый, и второй Рим пали не столько вследствие внешних причин, сколько по причине полного внутреннего разложения. Теория «Москва — Третий Рим» ослепила не только ее создателя, но и князей и, надолго отвратив Россию от идей парламентаризма, направила ее в русло самодержавия.

В 1547 г. юный Иван IV первым из русских правителей венчался на царство. Этот факт, примечательный сам по себе, приобретает еще большее значение в контексте того, что через два года после венчания был созван первый Земский собор — сословно-представительное учреждение, долженствовавшее играть в политической системе ту же роль, что и европейские парламенты. Однако Земский собор, как и другой орган власти, формально обладавший совещательными функциями, Боярская дума, становился значимым лишь в чрезвычайных условиях безвластия или избрания на престол монарха, не способного править страной без посторонней помощи. Парламентом, то есть выразителем интересов народа, он так и не стал — даже тогда, когда Земский собор брал на себя задачу решать судьбу страны (в 1598 и в 1613 гг.), в его состав входили лишь церковники, феодалы и наиболее зажиточные горожане; представительство же крестьян было минимальным.

Роль монарха, напротив, усиливается. Он все больше и больше отвыкает от мысли, что при принятии решений необходимо советоваться с кем-либо. Если дед Ивана IV, Иван III, всегда обсуждал дела с приближенными, причем любил «встречу», т.е. возражения участников совещаний, то при его сыне, Василии III, за подобную «встречу» можно было поплатиться головой. Иван IV прислушивался к мнению советников лишь в молодости, когда еще не имел опыта управления; в зрелые же годы он руководствовался формулой «жаловать своих холопов я волен, и казнить их волен же». За время его долгого правления эта формула стала главным политическим законом страны. Она ясно слышна даже в жалком возгласе слабоумного Федора Иоанновича, вложенном в уста этого монарха А.К. Толстым: «Я царь или не царь?»

В начале XVII века, когда события Смутного времени прервали традицию самодержавия, Россия несколько раз оказывалась перед альтернативной формой правления. Правда, привлекательной эту альтернативу назвать нельзя: речь идет об олигархии, которая отличалась от тирании лишь тем, что тиранов было не один, а несколько. «Семибоярщина» оказалась бессильна перед угрозой иностранной интервенции и не смогла организовать должный отпор захватчикам. В конце концов в 1613 г. был установлен компромисс между монархией и аристократией: формально во главе государства стоял юный и не блиставший умом Михаил Романов, фактически же страной правили бояре, игравшие первую скрипку в Земских соборах, работавших почти непрерывно в течение 10 лет.

Однако вскоре дала о себе знать укрепившаяся в течение XVI в. традиция сильной единоличной власти. Возвратившийся из польского плена отец М.Ф. Романова, патриарх Филарет, сразу же взял государственный штурвал в свои руки. Сложилась любопытная ситуация: страной одновременно правили два «великих государя» — царь-сын, который лишь царствовал,

но не правил, и патриарх-отец, которому фактически принадлежала вся полнота власти. Лишь смерть Филарета разрушила эту «дуократию со смещенным центром тяжести».

В царствование сына Михаила Федоровича, Алексея Михайловича, произошла попытка установления настоящего теократического режима. Ее предпринял патриарх Никон, которому поначалу удалось подавить волю молодого и неопытного царя. Но затем, по мере взросления и приобретения политического опыта, Алексей Михайлович стал тяготиться необходимостью делить власть с амбициозным патриархом, и в конце концов Никон потерял не только влияние на царя, но и патриарший престол. Примерно в это же время сходит на нет и деятельность земских соборов. Россия вступает в период абсолютной монархии, которая, как и монархия сословно-представительная, была одним из этапов развития европейских государств. Однако в России абсолютизм не был свободен от элементов азиатского деспотизма, принесенных в свое время монголами, и стал третьим периодом развития самодержавия.

Петр Великий всю жизнь стремился превратить Россию в Европу, однако делал это он варварскими, азиатскими методами. Нелицемерная похвала в адрес английского парламента, которую высказал «бомбардир Петр Михайлов», наблюдая с чердака за его заседаниями, не помешала ему так же грубо загонять боярских жен и дочерей на ассамблеи, как монголы гнали русских князей между костров во время языческого очистительного обряда. В отличие от своих европейских «коллег», оказывавших хотя бы внешнее почтение к представителям древних родов, Петр, как и любой восточный деспот, видел перед собой раба и в знатном боярине, находившемся в родстве с Рюриковичами, и в последнем крепостном мужике. Даже сподвижники Петра — Меншиков, Головин, Шафиров, Ягужинский — не могли себя чувствовать в полной безопасности, ибо перед волей Петра их воля была ничем.

Преемники Петра — и великие, и ничтожные — неизменно следовали той же традиции: в России есть лишь один полноправный человек — император; все остальные — и знатные, и незнатные, и благородные, и подлые — суть рабы. Ни заслуги перед Отечеством, ни знатность происхождения никакой роли не играли. «Затейка верховников», окончись она удачей, привела бы не к установлению конституционной монархии, а к «самодержавию олигархов», один из которых, впрочем, рано или поздно стал бы тираном. Дворянство, сорвавшее план Долгоруких, доступа к власти не получило. Хотя в XVIII веке от дворян зависело, кто станет следующим императором, они не избежали общей участи. Предельно ясно сформулировал положение «благородного сословия» Павел I: «В России дворянин лишь тот, с кем я говорю, и до тех пор, пока я с ним говорю».

В XIX веке ситуация почти не изменилась. Нравы стали цивилизованнее, но суть абсолютной монархии осталась прежней. Хабеас Корпус Акт, Декларация прав человека и гражданина, Билль о правах, конституции европейских государств — все это не оказало ни малейшего влияния на верховную власть в России, как будто застывшую в формах, более приличествующих древне— и средневековым восточным деспотиям, нежели России, которая, по словам Екатерины II, «есть европейская держава». Самолюбование а-ля Бенкендорф («Прошедшее России

было удивительно, ее настоящее более чем великолепно, что же касается до будущего, то оно выше всего, что может нарисовать себе самое смелое воображение»[2]), теория «официальной народности» С.С. Уварова, которую не смогли вытеснить даже идеи, положенные в основу Великих реформ Александра II, патриархальные представления о власти Александра III и его сына — Николай II, заполняя анкету во время всероссийской переписи населения, в графе «род занятий» написал: «хозяин земли Русской» — все это не имело ничего общего ни с парламентаризмом, ни с конституционализмом, презрительно заклейменными идеологом последних двух царствований К.П. Победоносцевым как «великая ложь нашего времени». Появившаяся в 1905 г. Государственная дума не смогла ограничить самодержавия: по словам премьер-министра В.Н. Коковцова, в России, «слава Богу, парламента нет».

Падение монархии и приход к власти большевиков не только не ознаменовали конец самодержавной традиции, но дали ей новое дыхание. Российское самодержавие достигает кульминации во время своего четвертого, советского, этапа развития. Сталин, которого эмигранты не без основания называли «красным фараоном», сосредоточил в своих руках всю полноту власти, превратив чисто техническую должность генерального секретаря партии в высший неофициальный государственный пост. Власть диктатора не была ограничена ничем; система Советов, формально являвшаяся политической основой СССР, была подмята партийными органами и полностью вытеснена ими из сферы реальной политики, в конечном итоге став ширмой, призванной скрывать всевластие ВКП(б). Методы, которыми Сталин реализовывал свою власть, были чисто азиатскими. В 1953 г. ультрадиктатура Сталина сменилась авторитарным режимом, к середине 70-х гг. трансформировавшимся в режим «коллективного самодержца» партийной геронтократии, правившей от имени полуживого Брежнева. Горбачев, последний генсек и первый и последний президент СССР, играл роль царя-либерала.

В современной России, пытающейся, как и прежде, лавировать между Востоком и Западом, сохраняя при этом собственное лицо, традиция самодержавия сохранилась. Иллюзии народа, если не царистские, то квазицаристские, способствуют долговременной популярности лидеров, соответствующих стереотипным представлениям о грозном, но милостивом правителе. Ярким примером подобного архетипического отношения к власти может служить феномен Ельцина, идеально игравшего роль «царя-батюшки», окруженного плохими боярами. «Отрекаясь от престола», Ельцин оставил России преемника, также идеально вписавшегося в традиционные представления о власти. Путин, у которого нет равных по силам противников на российском политическом Олимпе, успешно преодолел «монархический искус», не позволив внести в Конституцию поправку, которая бы позволила ему пойти на третий президентский срок. В отличие от Ельцина, успешно эксплуатировавшего патриархальную составляющую монархической традиции, Путин, по словам американского политолога Р. Каплана, является «обычным самодержцем», неоимпериализм которого является вынужденной реакцией на географическую незащищенность России[3].

Перспективы российского самодержавия, по нашему мнению, выглядят следующим образом. Сценарий возвра-

щения к монархической форме правления маловероятен. Юридических предпосылок для восстановления династии Романовых нет (Михаил Александрович Романов, в пользу которого отрекся от престола Николай II, согласился стать императором лишь с санкции Учредительного собрания, которое в первый и последний день своей работы — 5 января 1918 г. — успело провозгласить Россию республикой[4]). Нет и бесспорного претендента на царский престол — раскол дома Романовых на враждующие партии в сочетании с морганатическими браками привели к «монархическому тупику». Рассуждения же многочисленных монархически настроенных писателей и журналистов (например, А.Ю. Хвалина) о необходимости покаяться, зачеркнуть всю историю после 1917 года и доверить судьбу России Русской Православной Церкви, которая и восстановит Романовых на престоле[5], выглядят по меньшей мере наивными. Скорее всего, в обозримом будущем самодержавие будет «республиканским» — наша республика, полупрезидентская по Конституции, сверхпрезидентская на деле, вполне это допускает. Россия, жившая при великих князьях, царях, императорах и генсеках, и в президенте видит «самодержавца», и только тот, кто соответствует требованиям, предъявляемым к сильному правителю, способен занять президентское кресло и удержаться в нем.

Библиография/References

1. Гегель Г.-В.-Ф. Лекции по философии истории. — СПб.: Наука, 1993. — 479 с.

2. Лебедев А.А. Чаадаев. — М.: Молодая гвардия, 1965. — 272 с.

3. Американский политолог считает Путина «обычным самодержцем». URL: http://inotv.rt.com/2012—11—26/Amerikanskij-politolog-schitaet-Putina-obichnim (дата обращения: 03.04.2015)

4. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: Учебник для вузов. 5-е изд. — М.: Норма, 2006. — 769 с.

5. Хвалин А. Современное состояние Династии Романовых и перспективы восстановления монархии в России. URL: http://ruskline.ru/analitika/2013/04/02/sovremennoe_sostoyanie_dinastii_romanovyh_i_perspektivy_vosstanovleniya_monarhii_v_rossii/ (дата обращения: 04.04.2015)

Gegel' G.-V.-F. Lekcii po filosofii istorii. — SPb.: Nauka, 1993. — 479 p. (In Russ.)

Lebedev A.A. Chaadaev. — M.: Molodaja gvardija, 1965. — 272 p. (In Russ.)

Amerikanskij politolog schitaet Putina «obychnym samoderzhcem». URL: http://inotv.rt.com/2012—11—26/Amerikanskij-politolog-schitaet-Putina-obichnim (data obrashhenija: 03.04.2015) (In Russ.)

Baglaj M.V. Konstitucionnoe pravo Rossijskoj Federacii: Uchebnik dlja vuzov. 5-e izd. — M.: Norma, 2006. — 769 p. (In Russ.)

Hvalin A. Sovremennoe sostojanie Dinastii Romanovyh i perspektivy vosstanovlenija monarhii v Rossii. URL: http://ruskline.ru/analitika/2013/04/02/sovremennoe_sostoyanie_dinastii_romanovyh_i_ perspektivy_vosstanovleniya_monarhii_v_rossii/ (data obrashhenija: 04.04.2015) (In Russ.)

[1] Гегель Г.-В.-Ф. Лекции по философии истории. — СПб.: Наука, 1993. — С. 147—148.

[2] Лебедев А.А. Чаадаев. — М.: Молодая гвардия, 1965. — С. 33.

[3] Американский политолог считает Путина «обычным самодержцем». URL: http://inotv.rt.com/2012−11−26/Amerikanskij-politolog-schitaet-Putina-obichnim (дата обращения: 03.04.2015)

[4] Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: Учебник для вузов. 5-е изд. М.: Норма, 2006. С. 130.

[5] Хвалин А. Современное состояние Династии Романовых и перспективы восстановления монархии в России. URL: http://ruskline.ru/analitika/2013/04/02/sovremennoe_sostoyanie_dinastii_romanovyh_i_ perspektivy_vosstanovleniya_monarhii_v_rossii/ (дата обращения: 04.04.2015)

Гребенкин Алексей Николаевич − Орловский государственный университет, кандидат исторических наук, (Российская Федерация, г. Орел)

Grebenkin Alexey − Candidate of Historical Sciences, Orel State University (Russian Federation, Orel)